

НЕСКОЛЬКО СВЕТОВЫХ ЛЕТ

КЭСС МОРГАН

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА

СОТНЯ

Сотня (АСТ)

Кэсс Морган

Несколько световых лет

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Морган К.

Несколько световых лет / К. Морган — «Издательство АСТ»,
2018 — (Сотня (АСТ))

ISBN 978-5-17-103253-1

Давние секреты, приключения и запретная любовь – и всё это на борту межпланетной космической военной академии. Едва оправившись после нападения таинственного врага, космическая академия Кватра, в которую веками принимали лишь узкий круг элиты, наконец начинает набор студентов из самых разных концов Солнечной системы. Веспер, крутой пилот, мечтающая стать капитаном космического корабля, внезапно проигрывает в состязаниях язвительному парнишке откуда-то с пояса астероидов, и это заставляет ее усомниться во всем, во что она верила до сих пор. Кормак, выросший на токсичной планете Дэве, готов ухватиться за любой шанс, лишь бы удрать из своей родной дыры и стать кадетом академии – даже если для этого придется занять чье-то место. Арран с покрытой льдами планеты Шетир мечтает о чем-то большем, чем провести остаток жизни, работая в шахтах. А у Орелии есть мрачная тайна – она проникла в академию, чтобы выполнить опасную миссию. И если кто-нибудь узнает о ее планах, ей точно не поздоровится. Но кадетам придется позабыть обо всем, что их разделяет, и объединиться в команду, чтобы противостоять коварному врагу.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-103253-1

© Морган К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кэсс Морган

Несколько световых лет

Kass Morgan. Light Years

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Rights People, London и The Van Lear Agency

Produced by Alloy Entertainment, LLC

Copyright © 2018 by Alloy Entertainment

© Юлия Межова, обложка, 2019

© Мария Лимаева, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается ТК

Глава первая

Кормак

С шипением отворился шлюз, и Кормак нырнул в розовую дымку, тотчас ощутив, как раскаленный воздух обступает его со всех сторон. Сделав несколько коротких вдохов, он убедился, что противогазная маска в порядке, выдохнул и прибавил скорость. Под колесами мелькала красная, испещренная трещинами поверхность Дэвы, и Кормак все сильнее прижимался к мотоциклу, стараясь уменьшить сопротивление воздуха. Всю ночь он провел за доставкой H₂O обитателям люкс-башен в Жилищном секторе 2 и теперь чувствовал облегчение, покончив с этим. Даже здесь, посреди ядовитой атмосферы, ему дышалось легче, чем в башнях с их прошедшим четырехступенчатую очистку воздухом.

Распределение воды на Дэве строго регулировалось: большинству переселенцев ее едва хватало, чтобы утолять жажду, а уж о том, чтобы мыться чаще одного раза в неделю, они и помыслить не могли. Однако за определенную цену те, кто готов рискнуть и нарушить закон, могли раздобыть ее у людей вроде Сола, на которого Кормак и работал. Кормак занимался поставками воды в люкс-башни уже два года, однако их обитатели все еще поглядывали на него так, словно удивлялись, как это он просочился сквозь фильтры. Горький опыт научил его, как опасно бросать жадные взгляды на то, что он видел в их апартаментах: зреющие в террариумах фрукты, фильмы на широких экранах и особенно книги, запечатые в прозрачных хранилищах, которые защищали их от разъедающей атмосферы. Если и был кто-то, кому богачи доверяли меньше, чем измазанному в пыли бедняку, – так это измазанному в пыли бедняку со страстью к чтению.

День выдался в меру ясный, и вдалеке сквозь розоватую дымку проступали шесть башен Жилищного сектора 23. Именно там, на двадцать третьем этаже Башни Б, посреди этого живописнейшего пейзажа из громоздких бетонных сооружений, располагалась квартира Кормака. Дом, милый дом. Если повезет, удастся поспать пару часов, прежде чем Сол позвонит насчет очередной доставки.

Кормак включил радио, похлопав несколько раз по шлему, чтобы избавиться от помех.

«...сообщается о четырнадцати шахтерах, погибших во время взрыва. А теперь о погоде, – прошебетал голос дикторши. – Время – двадцать семь часов сорок минут утра. Загрязнение воздуха в связи со штормом в мезосфере – субоптимальное. Высшая точка на сегодня составляет 212 единиц. Низшая точка – 199 единиц. Согласно последним показателям атмосферы, продолжительность жизни на открытом воздухе составляет две минуты и четырнадцать секунд. Удачного дня!»

Налетев на выбоину, Кормак ругнулся. Деятельность его не лучшим образом сказывалась на мотоцикле, но выбор у него был небольшой. Доставки для Сола все же лучше, чем четырнадцатичасовые смены в одной из немногих оставшихся шахт, пусть и приходилось работать на самого большого засранца на Дэве.

Он выпрямился и привстал, чтобы лучше видеть дорогу. Особых препятствий не наблюдалось, если не принимать во внимание обломки старого шахтерского оборудования – ржавые бурава, массивные разбитые бочки, а также обломки танкеров, которые еще не растащили мусорщики после того, как шахта истощилась. Входящий сигнал прервал гудение радио. «Вызов от...*Ответь, или я тебе устрою, Кормак...* принять?» Кормак тяжело вздохнул и нажал на кнопку «Принять».

– Какого черта ты возомнил о себе? – рявкнул знакомый голос. – Никогда не смей дерзить клиентам!

– О чем ты, Сол? – вяло поинтересовался Кормак.

– То, как ты говорил с Реллой Хьюитт, неприемлемо! Не говоря о том, чтобы красть товар, за который она заплатила.

Кормак с трудом подавил стон. На пути к зданию Хьюитт ему встретилась изможденная девочка, которая мыла полы, – такое на Дэве встречалось сплошь и рядом: дети нередко бросали школу, когда у их родителей уже не было сил работать. Кормак дал ей небольшой глоток H_2O , чтобы она не потеряла сознание до конца смены. Он и думать забыл, что измученная скукой Релла Хьюитт вечно сует нос не в свои дела и время от времени просматривает записи с камер видеонаблюдения в своем здании, чтобы даже ночью следить за соседями. Постучав к ней в двери, он вынужден был терпеть ее визг и ругань минут пять, прежде чем прервал эту тираду, тщательно подбирая слова.

– Скажу честно, Сол. У меня не вызывают сочувствия богачи, которых больше заботят экзотические растения, чем дети переселенцев.

В отличие от переселенцев, чьи предки прибыли на Дэву давным-давно, большинство состоятельных людей появились здесь совсем недавно, прибыв с Три – главной планеты Федерации Кватра.

– Да ты никак мораль мне вздумал читать, ублюдок? Твоя задача – доставлять товар и помалкивать, усек?

– Усек, – пробормотал Кормак.

– Тебе повезло, что у меня такой мягкий характер. Так и быть, дам тебе еще один шанс. Сегодня вечером ты должен забрать груз по координатам $29^{\circ}22'$ северной широты, $99^{\circ}48'$ западной долготы ... что-то не слышу, чтобы ты записывал?

– $29^{\circ}22'$ северной широты, $99^{\circ}48'$ западной долготы, – пробубнил Кормак. – Будет сделано, шеф.

Координаты он не забывал никогда. У него была особая память на числа. Он словно видел их в голове, мог управлять ими и составлять различные комбинации, что позволяло ему за секунды решать сложнейшие уравнения. Не сказать, что это умение сильно ему пригодилось. Из-за того что он не мог продемонстрировать свои способности на экзаменах, учителя вечно подозревали его в жульничестве. Подобные обвинения приводили его старшего брата, Рекса, в бешенство, но самому Кормаку не было до этого дела. Хорошие отметки нужны только людям вроде Рекса – достаточно способным, чтобы привлечь внимание инструкторов, и достаточно обаятельным, чтобы оправдать все те усилия – кипу бумаг, уговоры и подкуп, – которые требовались для того, чтобы устроить выходца с Дэвы в инопланетный университет или учебную программу. Но в конечном итоге даже Рексу не удалось выбраться отсюда.

– Облажаешься и в этот раз – пожалеешь. Я серьезно, Кормак.

– Понял. Буду там сегодня вечером.

Место с координатами $29^{\circ}22'$ северной широты, $99^{\circ}48'$ западной долготы располагалось в Секторе 22, где проживал знакомый Сола, через которого тот добывал краденые наноразработки с Три. Помимо воды – основного источника доходов Сола – он также промышлял оружием и питал особую слабость к межзвездной подпольной торговле. Ходили слухи, что как-то раз он взломал Тридианский банк.

– Дерьмо, – пробормотал Кормак, налетев на еще одну выбоину и подскочив в воздух. Ему удалось справиться с мотоциклом, но приземлился он довольно жестко, и от удара содрогнулось все тело. Он удостоверился, что брюки его все так же заправлены в ботинки. Незащищенные участки кожи позволяли ядовитым веществам, содержащимся в атмосфере, проникнуть в организм, что могло привести к смертельному исходу.

Дэва представляла собой в прямом смысле слова отраву для человеческого организма. Планету обволакивал густой слой газа – смесь азота, углекислого газа и малой толики кислорода, который отфильтровывали и по трубам пускали в герметичные здания. Планета также

была богата терраниумом – металлом, из которого когда-то строилось большинство зданий на Три.

Сто лет назад владельцы шахт с Три и поставщики металлов прибыли на Дэву, заявляя свои права на землю. Они выстроили огромные пузыри вокруг своих комфортабельных домов, защищаясь от ядовитой атмосферы, и стали путешествовать на особых скоростных кораблях, оснащенных дополнительной системой фильтрации воздуха. Построили они и башни для сотен тысяч работников, которых заманили на Дэву, обещая высокую зарплату и возможность начать с нуля. Башни располагались так близко к шахтам, что рабочие могли ходить туда пешком, пробираясь сквозь ядовитый розоватый туман в газовых масках, любезно предоставленных им работодателем. Маски эти, разумеется, не обладали дополнительной системой фильтрации.

А потом, около двадцати лет назад, разработчики обнаружили на Шетире файрон, еще более стойкий металл, и добыча терраниума пришла в упадок. Большинство шахт просто закрыли, но того времени, что шахтеры провели в них, хватило, чтобы нанести непоправимый урон их здоровью. Отец Кормака скончался в возрасте тридцати девяти лет, заработав куда больше опухолей в легких, чем денег.

Что-то сверкнуло впереди, на горизонте. Патрульный корабль. Кормак выругался и резко повернул вправо, съезжая с дороги на пустырь, весь в рытвинах и колдобинах. Ничего противозаконного он не делал – во всяком случае, ничего, что можно засечь с воздуха, – но за полицейскими водилась привычка останавливать каждого, чье лицо не пришлось им по вкусу. Если они остановят его и обнаружат краденую воду – ему крышка. На Дэве не выносили приговоров и не предавали нарушителей суду. Они просто навсегда исчезали.

Кормак ускорился и направил свой байк по наиболее прямому маршруту к каньону – множеству тоннелей, когда-то вырытых шахтерами. Для патрульного корабля они были слишком узкими и темными, чтобы там сработал алгоритм распознавания лиц, особенно издалека.

Сквозь гул двигателя он отчетливо слышал жужжание патрульного корабля. Усилием воли Кормак выравнивал дыхание. Маска способна фильтровать лишь ограниченное количество воздуха за раз.

«Остановитесь и покиньте свое средство передвижения, – раздался громкий голос сверху, – вы проникли в закрытую зону и должны показать ваше удостоверение».

Заднице моей расскажи. Вот уже два десятилетия каньон не считался закрытой зоной. Просто очередной дерьмовый повод для обыска. Кормак наклонялся еще ниже, пытаясь выжать максимальную скорость из своего мотоцикла. По обеим сторонам от него вздымалась красная пыль, и, если ему случалось наехать на булыжник или выбоину, байк подлетал в воздух.

Впереди замаячил въезд в каньон – узкая щель в красном холме. Патрульному кораблю точно туда не протиснуться. Если Кормак успеет туда добраться, прежде чем полицейские настигнут его, им придется оставить погоню.

«Остановитесь и отойдите от средства передвижения, – приказал голос. – Это последнее предупреждение».

До каньона оставалось не больше сотни митонов. Уже девяносто. Кормак мчался все быстрее и быстрее. Семьдесят! Он оглянулся и выругался. Почему они не поворачивают?

Вот уже виден въезд в каньон. Он всего в сорока митонах. В тридцати. Ширины его – около семи митонов – не хватило бы и для двух мотоциклов, не говоря уж о корабле. Полицейские скоро остановятся. *Должны остановиться.*

Внезапно Кормака едва не сбил с байка мощный поток воздуха. Корабль резко сбросил высоту и теперь двигался примерно на одном уровне с ним. «Стоять!» – рявкнул полицейский.

Вместо ответа Кормак лишь пригнулся еще ниже, стараясь выжать из мотоцикла максимальную скорость, на которую тот был способен. Затаив дыхание, он мчался ко въезду в каньон, отчаянно надеясь, что полицейский не попытается обогнать его и преградить ему путь, что грозило гибелью им обоим.

Лишь когда он нырнул в темноту и его обступили стены каньона, Кормак рискнул оглянуться и успел заметить, как патрульный корабль резко вильнул влево. Еще пара секунд – и до него донесся металлический скрежет и отзвук глухого удара.

Кормак затормозил так резко, что не справился с управлением и влетел в стену каньона. Он лежал неподвижно и тяжело дышал, ощущая тупую пульсирующую боль в ребрах. Увидев, как полицейский выбирается из покореженного корабля, он с облегчением выдохнул. Теперь им его уже не догнать. Он поднялся и завел мотор, посмеиваясь над яростными воплями полицейского, которые эхом отдавались в лабиринте.

* * *

К тому моменту, когда Кормак вернулся в Башню Б, уже наступил полдень, что означало, что на сон перед обратной дорогой у него оставалась лишь пара часов. Как только за спиной у него захлопнулся шлюз, он сдернул свой шлем, разбрызгивая капли пота. Пристегнув байк, Кормак начал взбираться по лестнице на тридцать первый этаж, не проверив даже, заработал ли наконец лифт.

Ему удалось добраться до своей квартиры, не встретив никого из соседей, – хвала Антарам. После смерти Рекса прошло уже слишком много времени, чтобы выражать Кормаку соболезнования, но, даже обмениваясь с ним парой дежурных слов, они испытывали неловкость. Казалось бы, здесь, в Секторе 23, где несчастья словно витают в бесконечно фильтрующемся воздухе, люди должны знать, как справляться с горем. Он не знал ни одной семьи, которую несчастья обошли стороной.

Как и всегда, крохотная гостиная умудрялась выглядеть полупустой и захлавленной одновременно. Пустые упаковки от питательной массы разбросаны по полу и потертому дивану, со стульев свисает грязная одежда. При Рексе их неказистое жилище оставалось безукоризненно чистым. Он был старше Кормака всего на три года, но зачастую казался ему отцом, а не братом. После смерти их отца именно на Рекса легли все заботы, связанные с квартплатой, именно ему пришлось отважно воевать с капризной газовой плитой, чтобы состряпать на ужин что-нибудь горячее; он один пытался убедить Кормака выполнять домашнее задание, когда даже учителя махнули на него рукой.

Кормак закрыл глаза, и привычная боль охватила его. До тех пор, пока ему не сообщили об аварии, он и не подозревал, что Рекс работал в шахте в пустоши Хоубарт. Днем Рекс трудился привратником в аэропорту, а по ночам готовился к вступительным экзаменам в летную школу. Зачем жертвовать своей надежной и безопасной работой ради одноразового заработка в самом опасном регионе на Дэве? Лишь самые отчаянные соглашались идти в Пустошь – огромный кратер, где нередко случались землетрясения, из-за которых обрушивались шахты, а клубы горячего пара вырывались из трещин в поверхности.

Поначалу Кормак не ощущал никакого беспокойства. Рекс частенько брал двойные смены, и им случалось не видеть друг друга по несколько дней. Но прошло четыре дня, и Кормака охватила тревога. А на седьмой день он узнал новость, которая разбила его сердце на тысячу осколков. Рекс погиб. Никогда больше Кормак не услышит его дурашливый звенящий смех – единственный звук, способный заглушить непрестанное дребезжание системы очистки воздуха. Никогда не будет закатывать глаза в ответ на одну из тщетных попыток Рекса избить кого-то из их соседей – все они в его исполнении казались совершенно одинаковыми. Никогда больше брат не положит руку Кормаку на плечо, успокаивая его и говоря: «Все будет в порядке». Слова, которые всегда наполняли Кормака теплотой. Слова, в конечном итоге оказавшиеся чем угодно, только не правдой.

Уперев руку в стену, Кормак глубоко дышал, ожидая, когда знакомая боль поутихнет. Ему просто необходимо поспать перед следующим рейсом. Он сделал пару неуверенных шагов,

и тут его желудок недовольно дал знать о себе. Нелегко будет справиться с ночным заказом на голодный желудок, но на кухне хоть шаром покати. Вчера, к своему страшному неудовольствию, он вынужден был купить редуктор для своего мотоцикла – обычно Кормак подбирал запчасти на свалках, но после нескольких дней бесплодных поисков на редуктор ему пришлось раскошелиться, а потому денег на еду у него не осталось. Хорошо бы что-то продать, но за последние несколько месяцев он и без того заложил все ценные вещи, которые нашлись дома: часы, которые достались ему от отца, старенькое судно, принадлежавшее его деду, единственное украшение, которое было у его матери, умершей вскоре после его рождения. Единственная комната, которую он не обшарил в поисках чего-нибудь ценного, – это спальня Рекса.

Кормак уставился на дверь, к которой не прикасался с того дня, как узнал, что Рекса больше нет. От одной мысли о том, чтобы рыться в вещах брата, у него сжималось сердце, но сам Рекс был бы в бешенстве, знай он, что Кормак предпочел голодать, лишь бы не продавать вещи брата.

Заставив себя подойти к двери, он проскользнул в другую крошечную спальню. Воздух там был тяжелый, спертый, как в склепе, и Кормак непроизвольно задерживал дыхание.

Все осталось в безупречном порядке, за исключением пары ботинок, которые валялись на полу возле двери в нескольких сантиметрах друг от друга. Ощувив новый приступ боли, он аккуратно, стараясь не задеть их, переступил через ботинки. Что-то в их расположении казалось таким живым, таким непосредственным, словно тот, кто сбросил их, может вернуться в любую минуту.

Кровать, разумеется, убрана. Каждое утро, перед тем как уйти, Рекс аккуратно заправлял простыню под матрас. Приходила ли ему в голову мысль, что он идет навстречу собственной смерти, а раз так, то ни к чему тратить время на уборку?

Возле комода Кормак замешкался, прежде чем потянуть за ручку верхнего ящика. Там хранилась коллекция моделей самолетов, с которой брат всегда позволял Кормаку играть. Еще стопка старых футболок. Он провел рукой по той, что лежала сверху, и его пробил дрожь.

Он бережно закрыл верхний ящик и открыл средний. Тот оказался пуст, как и самый нижний. Кормака охватила странная смесь разочарования и облегчения, он еще раз окинул взглядом комнату Рекса и уже собирался уйти, как что-то на подушке привлекло его внимание. Приблизившись, он сообразил, что это были две вещи – идентификационная карта и потрепанный портативный передатчик.

Сперва Кормак взял в руки карточку, и сердце у него сжалось при виде улыбки на лице брата – фотографий Рекса у него осталось не так много. Почему Рекс не взял удостоверение с собой? Кормак вернул его на прежнее место и взял с подушки передатчик. Рекс так гордился этой покупкой, хоть денег у него хватило только на подержанный. Было время, когда он всюду таскал его с собой на ремне. Но связь на Дэве оставляла желать лучшего, и в конце концов Рекс перестал брать его с собой.

К удивлению Кормака, на передатчике мигала лампочка, сообщая о поступлении нового сообщения.

Он нажал на экран, и тот нехотя зажегся. Некоторые сообщения оказались обычным спамом: реклама прогулок на шаттлах со скидкой, – Рекс в жизни не мог себе такого позволить – и обещания «потрясающих карьерных возможностей» в компаниях на других планетах, в которые выходцев с Дэвы не нанимали уже лет пятьдесят. Несколько сообщений от старых друзей и знакомых, которые, вероятно, не знали о смерти Рекса, и парочка от тех, кто знал, но все же решил написать, чтобы попрощаться.

Уже собираясь выключить передатчик, Кормак вдруг застыл на месте. В графе «Тема» одного из непрочитанных сообщений значилось «Кормаку». Руки дрожали, но ему удалось открыть сообщение, и он начал читать:

Братишка,

Ты уж прости, что я сбежал и ничего не сказал тебе: не хотел, чтобы ты беспокоился. Мне предложили работку в Пустоши всего на десять дней, ты и представить не можешь, сколько за это заплатят. Если все пойдет по плану, сообщение тебе читать не придется. Я вернусь, прежде чем ты начнешь копать в моих вещах... Но, наверное, на всякий случай написать тебе нужно.

Ты, конечно, удивляешься, какого черта я на такое подписался. Так вот, кое-что я тебе еще не рассказывал. Меня приняли в Академию Флота Кватра. С ума сойти, верно? Я не сказал тебе, что решил попробовать, потому что шансов у меня почти не было. А затем, когда все получилось, мне не хотелось, чтобы ты думал, что я просто брошу тебя здесь. Вот почему я взялся за эту работу. Так я заработаю достаточно, чтобы забрать тебя с собой. Ты сможешь поступить в университет на Три или записаться в учебную программу для пилотов на Шетире – все, что захочешь. Знаю, ты никогда не верил мне, но ты и правда самый настоящий гений, мужик. Ты умнее меня в сто раз и можешь делать все, что захочешь. Только так у нас получится убраться с этой пропащей планеты. Я не позволю, чтобы мы сгнили здесь, как отец.

Работа вовсе не такая опасная, как говорят, уверен, все будет в порядке. Но если ты читаешь сообщение – значит, что-то пошло не так...

Молюсь Антарам, чтобы тебе не пришлось это читать.

Если я не вернусь, прошу, сделай кое-что для меня. Я хочу, чтобы ты занял мое место в академии. Оставляю свое удостоверение на подушке. Ты умнее всех этих засранцев с Три, вместе взятых. Жду не дождусь, когда парень с Дэвы заткнет их за пояс. И уж я буду следить за тобой, не сомневайся, хоть мы и не знаем откуда.

Ладно, пора заканчивать, а то сейчас совсем раскисну, а ты скоро будешь дома, не хочу, чтобы ты меня таким видел. Тебе не придется это читать. Готов поклясться, что не придется. Я вернусь через несколько дней. Но если нет – прошу, береги себя. Я люблю тебя.

Рекс.

Кормак рухнул на пол, задыхаясь от невыносимой боли. Это из-за него Рекс отправился в Пустошь. Он готов был рисковать жизнью – лишь бы не бросать его на произвол судьбы. Кормак не мог дышать, словно ребра его крошились, пронизывая сердце.

– Нет, – шептал он, прижимая колени к груди, – нет, Рекс...

Закрыв глаза, он вспоминал последние часы, которые провел вместе с Рексом: вот они ужинают вдвоем, а вот помирают со смеху, сражаясь в старбол – игру, которую они придумали еще детьми. После смерти Рекса эти воспоминания утешали его, но теперь они были отравлены осознанием, что все это время у брата была тайна, которую тот скрывал от него.

Если бы только он обнаружил передатчик раньше! Решись Кормак зайти в комнату Рекса сразу после его исчезновения – быть может, он успел бы что-то изменить. Всеми правдами и неправдами он добрался бы до Пустоши и заставил Рекса вернуться. Спас ему жизнь.

С трясущимися руками Кормак перечитывал сообщение. В этот раз помимо боли он ощутил гордость. Подумать только: Рекса приняли в Академию Флота Кватра! В самое элитное учебное заведение в Солнечной системе, известное тем, что оттуда выпускались знаменитые офицеры Флота Кватра. До недавних пор лишь тридиане имели право там обучаться. До него доходили слухи об измененных правилах приема, но Кормак не придавал им особого значения. Невозможно было даже представить, что выходец с Дэвы может попасть в академию. И все же Рексу это удалось.

Рекс мог стать не просто пилотом, но и офицером, черт его подери.

Но теперь все кончено. Так уж заведено на Дэве. Будь ты хоть усердный трудяга, хоть баловень судьбы – все одно, планета тебя поимеет. Гнев бурлил в крови Кормака. Рексу, самому

доброму и способному человеку из всех, кого он знал, выпал шанс всей его жизни – и он погиб, не успев им воспользоваться. Кормак яростно отбросил передатчик и с удовлетворением услышал, как тот разбился об стену.

Затем медленно выдохнул и сделал глубокий вдох, немного успокаиваясь и приходя в себя. С трудом поднявшись на ноги, дрожащими пальцами он потянулся к удостоверению. Вглядываясь в счастливое лицо Рекса, он раздумывал над тем, что написал брат. *Если я не вернусь, прошу, сделай для меня кое-что. Я хочу, чтобы ты занял мое место в академии.* Безумство, да и только. Нельзя просто взять и занять чужое место в академии. Местонахождение академии тщательно скрывалось – туда не проникнешь, прикрывшись фальшивым удостоверением. Если его поймают – отправят в федеральную тюрьму или еще что похуже. И даже если каким-то образом он проникнет туда, ему придется учиться с самыми умными ребятами во всей Солнечной системе. Не потребуется много времени, чтобы понять, что ему там не место.

Кормак сжал удостоверение в руке. Он знал эту улыбку так хорошо и не мог поверить, что больше он ее не увидит. Наверняка с этой самой улыбкой Рекс писал: *Ты умнее всех этих засранцев с Три, вместе взятых. Жду не дождусь, когда парень с Дэвы заткнет их за пояс.*

Это так опасно, практически самоубийство. Миллион вещей может пойти не так, и то, что его ответственный, законопослушный брат призывает его пойти на это мошенничество, казалось до смешного нелепым. И все же просто отмахнуться Кормак был не в силах. Для Рекса эта возможность значила так много, что тот готов был подвергнуть опасности своего младшего брата. Шанс повернуть такое – невелик, но, если план сработает, его жизнь изменится навсегда. Возможно, он избежит смерти.

Больше шанса вырваться с Дэвы у Кормака не будет. Останься он – лишь вопрос времени, когда его доконают язвы или изрешетят пули дозорных. Впервые за восемь месяцев, к своему удивлению, Кормак ощущал еще что-то помимо гнева, боли или отчаяния, от которого сводило живот, – надежду. Пусть он не может вернуть своего брата, но в его силах хотя бы в какой-то мере воплотить его мечту в жизнь. Он сделает так, чтобы Рекс им гордился. Чего бы ему это ни стоило.

Глава вторая

Арран

– Стой! Не ешь!

Арран поднял глаза и увидел девушку с сиреневыми прядями в кудрявых волосах, которая с тревогой смотрела на него. Он уставился на нее, озадаченный как ее внезапным появлением, так и беспокойством в голосе. Арран прибыл в шаттлпорт почти на час раньше положенного времени и теперь сидел в ожидании на одном из мягких сидений. В целях безопасности все коммерческие перелеты в тот день отменили. Внутри пускали только кадетов Академии Кватра, а также их родственников, поэтому в круглом полупустом вестибюле стояла тишина, которую нарушал лишь скрип робота-уборщика, чистящего полы, и бодрые голоса, доносящиеся с экранов. Рекламные ролики повторялись так часто, что Арран успел выучить их наизусть.

Отправься в путешествие всей твоей жизни! Горы Уруд ждут тебя! Всего в одном парсеке отсюда!

На Лоосе всегда солнечно – посети самую близкую к Солнцу планету!

Каждые три-четыре минуты кадры поездок по экзотическим местам сменялись изображениями безмятежного космического пространства в сопровождении расслабляющей музыки на фоне мягко мерцающих звезд. Затем вступала другая мелодия, пронзительная и торжественная, и на экране появлялся космический корабль, затем еще один, и еще один. Вот первый корабль заполняет весь экран – бомбы сыплются из него градом, раздаются взрывы. *Спектры всё ближе. Неужели ты сдашься без боя? Флот Кватра ждет тебя!*

С последней атаки спектров, когда они бомбили Шетир, родную планету Аррана, прошло уже два года, но то был лишь вопрос времени, когда они нападут снова. И в этот раз Арран не станет сидеть дома, поджав хвост. Он будет готов дать им отпор.

Сообразив, что девушка с сиреневыми волосами все еще смотрит на него, Арран взглянул на булку, которую мать с утра положила ему в сумку.

– Почему это?

– Тебя же стошнит, как только мы наберем космическую скорость.

– А, точно, – сообразил Арран и, краснея, завернул булку обратно в салфетку. Салфетка была его любимая, с голубыми цветами. Ему пришло в голову, что мать специально выбрала именно ее, чтобы он захватил с собой частицу родного дома.

– Не переживай, – улыбнулась девушка. – Я тоже первый раз путешествую на шаттле. Просто я много читала о межпланетных путешествиях.

Арран поднялся и провел рукой по волосам – нервная привычка, от которой он никак не мог избавиться.

– Очень предусмотрительно, – сказал он, чувствуя облегчение от того, что не ему одному будут в новинку все эти космические перелеты. Сам он никогда не покидал даже сектор F, самую отдаленную провинцию на Шетире, не говоря уже о полетах на другие планеты. В его семье все были шахтерами, и сам он тоже собирался подписывать контракт с горнодобывающей компанией на десять лет, когда ему сообщили, что он принят в академию.

Десять лет, которые он бы провел, работая по двенадцать часов в день на глубине четырехсот митонов от промерзшей поверхности. Он все еще до конца не мог поверить в свою удачу. Больше всего он боялся работы в шахтах, но, как ни старался, не мог придумать, чем еще заработать на хлеб. Никому еще не удавалось выбраться с Шетира.

До этого дня.

Он пожалел, что сам обо всем не разузнал. Арран привык, что все знает; не сосчитать, сколько раз ему устраивали взбучку после уроков за то, что он задавал «тупые вопросы», из-

за чего инструктор не мог отпустить класс пораньше. Как-то раз, нанося мазь на его опухший глаз, мать робко предложила ему оставлять вопросы при себе и находить ответы в книгах, но он знал, что из этого ничего не выйдет. Стоило ему почувствовать любопытство, как предмет интереса заставлял его забыть обо всем... в том числе о тумаках одноклассников.

К ним присоединилась еще одна девушка с бледным лицом.

– Вы тоже летите в академию? – несколько нервно спросила она.

– Да, – ответил Арран и склонил голову – стандартное приветствие на Шетири. – Я Арран.

Она ответила таким же жестом:

– Мхаири.

Девушка с сиреневыми волосами представилась как Сула, после чего Мхаири встревоженно обернулась и посмотрела на мужчину и женщину, стоявших неподалеку, у стены, в заснеженной одежде.

– Наверное, нужно попрощаться с родителями. Иначе все поймут, что они приехали со мной.

Сула улыбнулась.

– Мои бы с радостью приехали, если бы могли себе позволить. Не каждый день первые жители Шетира отправляются в Академию Кватра.

– Сохрани это для своих мемуаров, – с иронией произнес Арран, стараясь, чтобы в голосе не звучала насмешка. А ведь Сула была права. Как бы это ни звучало, они творили историю. И он надеялся, что никого не подведет.

На протяжении тысячи лет Три была единственной обитаемой планетой в их Солнечной системе. Однако с развитием технологий жители Три основали первые поселения на тропическом Лоосе, а также колонии шахтеров на окруженной ядовитыми парами Дэве и застывшем во льдах Шетири. Несчастных, которые отправились на эти планеты в поисках заработка, а равно их детей и внуков называли «переселенцами». Через несколько поколений, когда количество переселенцев начало в разы превышать число тридианских предпринимателей, в народе пошли разговоры о самоуправлении, организовывались кампании за независимость, которые мирно сошли на нет на Лоосе, однако привели к кровавым мятежам на Шетири и Дэве.

После этих событий Федерация Кватра ввела на местах жесткие правила для предотвращения будущих мятежей. Переселенцам отныне не разрешалось голосовать, учиться в тридианских университетах, открывать собственные предприятия и даже судиться против уроженцев Три. Что касается военной службы, то они могли попасть в пехоту, но никак не во Флот Кватра и тем более не в академию.

Однако в прошлом году случилось нечто невероятное: командующий Флотом Кватра сообщил о том, что отныне каждый переселенец в возрасте с шестнадцати до восемнадцати лет может поступить в академию. Цинично настроенные жители Шетира объясняли эту внезапную эволюцию взглядов командующего тем, что после нескольких атак спектров Федерация отчаянно нуждалась в офицерах. Но Арран верил тому, что сказал командующий в своей исторической речи: что солдатам проще доверять офицерам, которые имеют общее с ними происхождение, и что они намерены использовать незадействованные резервы талантов со всей Галактики.

И все же одной речи недостаточно, чтобы убедить всех. Как только было объявлено, что впервые за несколько столетий академия будет принимать кадетов не только с Три, но и с остальных трех планет, – на Три возникла решительная оппозиция. Самым ярким противником этого решения был адмирал (и известный шовинист) по имени Ларц Мускатин, который утверждал, что допуск переселенцев в академию приведет к ослаблению армии.

Арран только и ждал шанса доказать, что адмирал ошибался.

В течение получаса собрались все будущие кадеты с Шетира. Некоторые из них жили в Хаансгаарде, столичном городе, но большинству явно пришлось проделать неблизкий путь до

шаттлпорта. Один юноша дрожал так сильно, что остальные решили, что у него обморожение, и обложили его своими шубами. Но, как оказалось, он просто нервничал.

– А вы знаете, когда нас распределят по отрядам? – спросила Мхаири, тяжело опустившись на скамью и обложившись чемоданами. Арран почувствовал радостное волнение. Задолго до того, как он решил поступать в академию, он слышал истории о турнире – невероятно сложном состязании между кадетами. Студентов разбивали на группы по четыре человека, каждому присваивали роль, отталкиваясь от результатов сурового распределительного теста: капитан, пилот, технический офицер или офицер контрразведки. Участников отряда-победителя всегда показывали в новостях по всей системе, представляя их как следующее поколение героев, которые готовятся дать спектрам отпор.

– Не знаю, – ответила Сула. Впервые на ее лице появились признаки беспокойства. – Но надеюсь, что меня назначат пилотом.

– В самом деле? – поразила Мхаири. – Ты раньше когда-нибудь летала?

Сула покачала головой.

– Нет, но, надеюсь, после распределительного теста...

Бледный юноша с каштановыми волосами до плеч прервал ее с усмешкой:

– Тебе повезет, если ты вообще его пройдешь.

Юноша был единственным, у кого имелся передатчик, от которого он не отрывался, даже когда разговаривал. Арран хотел было попросить парня отправить сообщение матери, дать ей знать, что он благополучно добрался до Хаансгаарда. Но, услышав его слова, передумал.

– Прошу прощения? – приподняв брови, ответила Сула.

– Ничего личного, – продолжал тот, наконец подняв глаза от экрана. – Нужно смотреть правде в глаза. Шансы у всех нас невелики. Ребят с Три готовят к распределительному тесту чуть ли не с рождения.

Несколько кадетов нервно переглянулись, Сула же наградила юношу испепеляющим взглядом, и Арран почувствовал к ней симпатию.

– Подготовиться к тесту невозможно. Он направлен на выявление врожденных склонностей.

– Да неужели? – усмехнулся тот. – В таком случае зачем богачи с Три нанимают инструкторов из академии натаскивать своих детей? Мой дядя работал на Три и видел это своими глазами. Ты и представить себе не можешь, с чем нам придется столкнуться.

– Говори за себя, – ответила Сула, гордо подняв голову. – Лично мне не терпится показать снобам с Три, на что я способна.

Большинство ребят пробормотали что-то в знак согласия, и, несмотря на чувство тревоги в животе, Арран тоже кивнул. Нельзя дать себя запугать. Тем более после всего, через что ему пришлось пройти, чтобы попасть сюда, после того, как он просиживал ночи напролет над учебниками, пока мать драила полы по четырнадцать часов в сутки, чтобы его прокормить.

Учитывая разницу во времени, в секторе F уже должен быть вечер. Арран представил, как мать сидит в одиночестве в их крохотной квартире, как она греет ладони о чашку с чаем, потому что от скрипящего обогревателя больше шума, чем тепла. Что у нее на ужин? Сердце его сжалось – теперь мать накрывает стол на одного: одна тарелка, одна вилка, один нож и одна аккуратно сложенная салфетка. Что она будет делать весь оставшийся вечер? Теперь ей не с кем поговорить, ведь с соседями она так и не подружилась – бесконечные смены на работе, где ей приходилось мыть полы в главном здании горнодобывающей компании «Файрон», оставляли не так много времени для общения. Сколько Арран себя помнил, мать выглядела изможденной. Но когда он предложил ей отказаться от стипендии и остаться дома, во взгляде ее появилась такая твердость, какой он прежде не видел.

– Ну уж нет, – ответила она, положив дрожащую руку ему на плечо. – Ты должен поехать. Ты заслуживаешь большего, чем все это! – И она обвела рукой их скудно обставленное, хоть и безупречно чистое жилище.

– А как же ты? Тебе не будет одиноко?

– Все со мной будет в порядке, – сказала она со слабой улыбкой. – Мне будет о чем помечтать – мечты скрасят мое одиночество. Я буду смотреть на небо и представлять, как ты учишься быть героем.

Арран обвел взглядом всех новоиспеченных кадетов. Некоторые заметно нервничали; кое-кто напустил на себя равнодушный вид, словно перспектива зайти на шаттл и отправиться в засекреченное местоположение академии никак их не трогала; остальные стояли неподвижно, вытянувшись, словно ожидая досмотра.

Кто знает, может быть, кто-то из них и впрямь станет героем будущих сражений со спектрами. А может быть – он с трудом подавил дрожь, – они пожертвуют всем лишь для того, чтобы список погибших пополнился еще одним именем.

– Кто это? – тихонько спросила Сула, указывая на юношу, который беседовал с мужчиной в военной форме в другом конце зала. Юноша кивнул офицеру и направился к ним.

– Нас ведь уже двенадцать.

В новостях без конца судачили о двенадцати ребятах с Шетира, поступивших в академию, хоть имена их и не разглашались.

– Может, в последний момент взяли кого-то еще? – предположил Арран.

Однако, по мере того как юноша приближался, стало очевидно, что он не шетрианин. В то время как остальные ребята осматривали шаттлпорт либо с нескрываемым интересом, либо с напускным равнодушием, он вел себя спокойно и непринужденно. Все они кутались в одежды из шерсти и меха, на нем же красовался тонкий черный пиджак, который мог быть только из термокожи – материала в сотни раз теплее, чем мех, и в тысячу раз дороже. Арран видел одежду из такой ткани лишь однажды – на владельце местной шахты, когда тот прилетел на Шетир с ежегодным визитом.

Арран непроизвольно напрягся, ожидая столкнуться с высокомерием, которое, как ему казалось, было присуще большинству тридианцев, однако, к его удивлению, юноша тепло улыбнулся, приблизившись к ним. У него была светлая кожа, прямые черные волосы и выразительные зеленые глаза, как отметил Арран, когда юноша подошел и встал рядом с Сулой.

– Вы летите в академию? – спросил он.

– Да, – подтвердила Сула, которая, хоть и казалась более встревоженной, чем прежде, все же улыбнулась юноше.

– Уф, хорошо. Я боялся, что опоздал. Меня зовут Дэш.

– Сула. – Она уже собиралась склонить голову, когда Дэш протянул ей руку. Сула растерянно уставилась на нее, озадаченная его жестом.

По лицу Дэша пробежала тень сомнения, и его дружелюбная улыбка немного померкла. Но тут Арран вспомнил, что обычаи сильно отличались на Три, где людям не приходилось проводить большую часть времени по локоть в ядовитой жижке – побочном продукте фреона и газа, который использовали для его добычи.

– Я Арран, – представился он и пожал руку Дэша.

– Очень приятно, – ответил тот. Юноша снова улыбнулся, глаза его засияли, и Арран почувствовал, как что-то кольнуло у него в груди. Ему не встречались прежде ребята, которые выглядели и улыбались, как Дэш.

– Откуда ты? – поинтересовалась Сула. Она старательно делала вид, что интересуется просто из вежливости, но в голосе ее звучала нескрываемая подозрительность.

– Из Эволина на Три, – жизнерадостно сообщил Дэш. – Я проходил на Шетире летную подготовку. На шетрианских пустошах есть летная школа, – он окинул взглядом всех собравшихся и, не дождавшись ответа, продолжил: – Тут не так загружено воздушное пространство.

Несколько ребят нервно переглянулись, а юноша с передатчиком, получив подтверждение своей правоты, довольно ухмыльнулся.

– Решил заработать себе преимущество? – спросила Сула.

Дэш робко улыбнулся, и на его щеках появились ямочки, при виде которых у Аррана перехватило дыхание.

– Не думаю, что у меня есть какое-то преимущество. Я провел там три недели, и, как ни старался научиться приземляться, мой инструктор каждый раз отбирал у меня управление. В жизни таких выражений не слышал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.